

Руслан Пустота

Становление СИЛЫ

Руслан Пустота

Становление силы

<https://litres.ru/74066613>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студент Илья получает в наследство домик в СНТ от бабки Лиды — странной старухи, которая разговаривала сама с собой и которую побаивались все соседи. В письме она просит об одном: «Поживи там неделю. Потом решишь».

Первые дни в «Берёзке-2» текут неторопливо: рыбалка, разговоры с соседями, пиво у магазина. Но после того как Илья находит на чердаке старую фотографию — на ней бабка держит в руках странную книгу, а на обороте выведено «Книга ушла на остров» — всё меняется.

Однажды утром он просыпается от тишины. Нет триммеров. Нет голосов. Соседи исчезли — прямо с недопитым чаем и открытой кассой в магазине. Единственное живое существо в мёртвом посёлке — эрдельтерьер по кличке Амализель. Собака смотрит так, будто ждала его всю жизнь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Руслан Пустота

Становление силы

Глава 1

Илья открыл глаза.

Нет, не так. Он *понял*, что видит, но веки не слушались. Тело было тяжёлым, чужим, будто налитым бетоном. Он лежал на спине, смотрел в потолок общажной комнаты — знакомое водяное пятно в углу, трещина от люстры к стене, отслаивающаяся краска. Всё как обычно. Но что-то было не так.

Он попытался пошевелить пальцами. Ничего. Пальцы не отозвались. Попробовал повернуть голову — шея замерла, будто кто-то держал её с двух сторон ледяными ладонями.

Сонный паралич, — подумал он вяло. — *Опять. Сейчас пройдёт.*

Это случалось раньше. Раз в полгода, перед сессией или после тяжёлой ссоры. Механизм был знаком: тело спит, мозг проснулся, ты заперт в собственной плоти. Обычно это длилось секунд тридцать, не больше. Илья научился не паниковать. Ждать. Дышать. Считать про себя.

Один. Два. Три.

Но на счёте «четыре» произошло то, чего не случалось

никогда.

Потолок вдруг стал дальше. Парень не понял сначала, что происходит. Просто ощутил странную лёгкость в груди — как будто что-то отпустило, разжало хватку. А потом он *отделился*.

Это невозможно описать словами, но он попробовал бы, если б умел. Представьте, что вы — масло, которое медленно вытекает из бутылки. Или дым, который ищет щель. Или вода, просачивающаяся сквозь трещину в стекле. Он не упал. Не взлетел. Он просто оказался *там* — в углу комнаты, напротив кровати.

И увидел себя.

Илья лежал на кровати. Руки вдоль тела, лицо бледное, глаза закрыты. Губы чуть приоткрыты, как у спящего. Грудь поднималась и опускалась — медленно, слишком медленно, будто сердце билось раз в десять секунд. Парень смотрел на себя со стороны и думал о том, как странно видеть своё тело без себя внутри. Как будто он умер, но ещё не ушёл. Как будто он был призраком собственной жизни.

С этой стороны — из угла, откуда он смотрел сейчас — комната выглядела иначе. Острые углы стали острее. Тени под кроватями соседей — гуще, почти чернильными. А воздух... воздух был холодным. Не как в помещении зимой, а как в подвале, где никто не открывал дверь много лет. Там, в том углу, холод был плотным, почти осязаемым. Он обволакивал, как мокрая простыня.

Илья попытался сделать шаг. У него не было ног — не в привычном смысле. Было что-то вроде вектора, направления. Он мог *хотеть* переместиться, и это желание сдвигало его на несколько сантиметров. Медленно. Тяжело. Как будто он шёл по дну океана, а над ним — сотни метров воды. Он чувствовал, как каждое движение даётся через невыносимое сопротивление, как будто сам мир не хотел, чтобы он двигался.

Сделал ещё одно «движение». Ещё.

И тогда страх пришёл.

Не от того, что он видел. А от того, что *не видел*. В комнате никого не было. Соседи спали: Стёпа в наушниках, поджав колени к груди; экономисты разметались каждый на своей кровати. Всё было обычным. Но Илья *чувствовал*. Он чувствовал присутствие, которое было больше, чем тишина, больше, чем пустота. Оно было здесь, за спиной. Оно дышало ему в затылок.

Это похоже на момент, когда ты идёшь по тёмному лесу и вдруг замираешь — потому что знаешь: кто-то смотрит. Не видишь, не слышишь, но спина холодеет, волосы на затылке встают дыбом, а внутри всё кричит: *беги*. Здесь было то же самое, только в сотню раз сильнее. В сотню раз реальнее.

Что-то приближалось. Оно не имело формы. Не шумело. Не пахло. Оно просто *становилось ближе* — и по мере того, как оно приближалось, мир терял цвета. Стенка шкафа стала серой, потом почти чёрной. Кровать Стёпы преврати-

лась в бесформенный силуэт. Даже собственное тело, лежащее на кровати, начало растворяться в темноте. Сначала исчезли очертания рук, потом ног, потом лица. Осталась только бледная тень, которая когда-то была им.

Илья понял: оно его *видит*. Раньше, когда он был в теле, оно, может быть, просто проходило мимо. Ощупывало границы, как слепой ощупывает стену, и двигалось дальше, не находя входа. Но сейчас он был *снаружи*. Он стал доступен. Он стал видимым. Он стал целью.

Досягаем.

Страх обрушился на него не волной — цементом. Он заполнил всё, чем Илья был в этом странном состоянии. Не было ни мыслей, ни памяти, ни надежды. Было только одно: *вернуться. Сейчас же. Пока не поздно*. Это был не просто страх смерти. Это был страх того, что он может остаться там, застряв между мирами, стать таким же, как те тени, которые он чувствовал за спиной.

Он рванулся к кровати. Но движение давалось так, будто он плыл сквозь патоку. Каждый сантиметр — усилием, от которого не существовало мышц. Он кричал — беззвучно. Он рвался — без рук. Он молился — без слов. Сзади, там, где было Оно, темнота сгустилась настолько, что стала почти твёрдой. Илья не оборачивался. Он знал: если увидит — не вернётся. Если увидит — оно заберёт его.

Он плыл. Медленно. Невыносимо. Сквозь толщу воды, которая с каждой секундой становилась плотнее. Сквозь ва-

ту, которая забивала уши, рот, глаза. Сквозь ледяной холод, который проникал в самую суть. Ещё немного. Ещё. Он уже почти касался своего тела, когда почувствовал, как темнота за спиной *дотронулась* до него. Не больно. Не страшно. Просто — коснулась, как проверяют: настоящий ли? Можно ли взять?

Илья сделал последнее усилие — такое, после которого не остаётся сил даже на крик. И рухнул в тело. Он почувствовал, как входит обратно, как тяжёлая плоть принимает его, как пальцы на руках становятся его пальцами, как лёгкие наполняются воздухом. Он открыл глаза. Резко, широко, как ныряльщик, который вынырнул на поверхность, глотая ртом кислород.

Тело слушалось. Руки дрожали. Вся футболка была мокрой от пота — насквозь, хоть выжимай. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь в висках. В комнате было светло. За окном — утро, воробьи, гул мусоровоза. Стёпа на соседней кровати спал в наушниках. Экономистов не было — ушли на ночёвку к девушкам.

Илья сел, обхватил голову руками и долго сидел так, пока дыхание не выровнялось. Он не плакал. Он просто сидел и смотрел в угол комнаты. Туда, где минуту — или вечность? — назад был он сам. В углу было пусто. Только старый рюкзак, брошенный вчера, и пыльный башмак, который никто не убирал полгода.

Но Илья знал. Знал, что в этой комнате *что-то* было. И

что это *что-то* теперь знает о нём. Он чувствовал это в каждой клетке — холод, который остался внутри, как напоминание. Как клеймо.

Пора уезжать, — подумал он. — *Куда угодно. Хоть к этой сумасшедшей бабке на дачу. Лишь бы не здесь.*

Он встал, скинул мокрую футболку, пошёл в душ. В голове стучала одна мысль, которую он не мог объяснить: *Оно искало меня. Не нашло тогда. Найдёт в следующий раз.*

Он не знал, что следующего раза не будет — потому что в следующий раз он будет не в городе. Он будет там, где стены тоньше, а тишина глубже. Он будет в СНТ «Берёзка-2»

Глава 2

ГЛАВА 1. НАСЛЕДСТВО 1.

Илья открыл глаза и несколько секунд тупо смотрел в потолок. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, футболка прилипла к спине, простыня под ним промокла насквозь. Он лежал неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию, и пытался понять, где кончается сон и начинается реальность.

— Твою мать, — выдохнул он и сел.

Рядом заворочался Стёпа. Сосед приподнялся на локте, наушники съехали набок, глаза были сонными и красными.

— Ты чего орёшь? Третий час ночи.

— Утро, — Илья кивнул на окно, где за грязным стеклом серел рассвет. — Скоро восемь.

— Для меня ночь, — буркнул Стёпа, но лечь обратно не стал. Некоторое время они молчали, потом сосед спросил:

— Слушай, а ты не знаешь, у нас сегодня патфиз будет?

— Должен. По расписанию.

— Чёрт, я даже не готовился, — Стёпа потёр лицо ладонями, пытаясь прогнать сон. — И вообще не выспался. Только в два ночи приполз.

— Опять девушка? — Илья усмехнулся, но улыбка вышла кривой.

— Если бы, — сосед сел, скинул наушники на кровать. —

Вчера после пар заскочил в анатомичку, череп хотел взять. Товарищу одному понадобилось строение костей подучить перед коллоквиумом.

— И чё?

— А то, что я этот череп в пакет сунул. В мусорный. Чёрный такой, непрозрачный.

— Красиво.

— Думал, дело на пять минут, — Стёпа хмыкнул, но в голосе не было веселья. — Ты не поверишь, что было дальше.

— Рассказывай.

2.

— Короче, — Стёпа почесал затылок, — выхожу я из универа, в пакете череп, в рюкзаке — учебники. Иду на остановку, маршрут привычный. На полпути у «Пятёрочки» стоят полицейские, документы проверяют. Ну, я человек законопослушный, встал в очередь.

— Молодец.

— Подходит ко мне лейтенант, славянский такой, лет двадцати пяти. Говорит: «Предъявите документы». Я рюкзак достал, паспорт отдал. Он посмотрел, потом в пакет заглянул. И замер.

Илья хохотнул, хотя внутри всё ещё было беспокойно.

— Представляю его лицо.

— Ты не представляешь, — Стёпа вздохнул. — Лейтенант этот молчит секунд десять, потом спрашивает: «Молодой человек, что у вас в пакете?» Я говорю: «Учебное пособие». А

он: «Это череп, что ли?»

— И что ты?

— Говорю: «Анатомический, учебный. Я студент-медик».

А он: «У вас есть документы на него?»

— Какие документы на череп?

— Вот и я говорю, — Стёпа развёл руками. — А он мне: «Придётся проехать с нами для разбирательства». Я говорю: «Я на маршрутке быстрее». А он: «Это не обсуждается».

— И ты поехал?

— Куда я денусь? Посадили меня в машину, череп в пакете — отдельно, в багажник. И повезли.

3.

Стёпа взял кружку, отхлебнул остывший кофе, поморщился.

— Привезли в отделение, в кабинет какой-то. Там капитан сидит, с усами, похож на кота. Молодой лейтенант докладывает: «Обнаружен череп, товарищ капитан». Капитан на меня смотрит, потом на пакет.

— С выражением?

— Как на террориста, — Стёпа усмехнулся. — Говорит: «Изъять». И началось.

— Что именно?

— Допрос. Сначала этот капитан спрашивает, где взял. Я говорю: «В университете, в анатомичке». Он: «А кто разрешил?» Я: «Заведующий кафедрой». Он: «Фамилия, имя, отчество?» Я назвал. Он: «Телефон есть?» Нет, говорю, он уже

ушёл.

— Поздно было?

— Восемь вечера, — Стёпа вздохнул. — Короче, начали звонить в деканат. Трубку никто не берёт. Потом нашли какую-то вахтёршу, она говорит: «Ничего не знаю, все ушли».

Илья улыбнулся. Он чувствовал, как напряжение в груди понемногу отпускает, уступая место обычной утренней суете.

— И что дальше?

— А дальше сижу я в этом отделении часа три. Кофе не предлагают, в туалет не пускают. Лейтенант время от времени заходит, смотрит на меня, как будто я сейчас черепом на него брошусь.

— А капитан?

— Капитан ушёл ужинать. Вернулся сытый такой, говорит: «Давай, молодой человек, пиши объяснительную». Я написал. Он прочитал, поморщился: «Грамматические ошибки». Исправил. Потом говорит: «Вот что, поехали в университет, будем разбираться на месте».

— Поехали?

— Ага. Всё в той же машине. Приехали к общежитию, вызвали дежурную. Она говорит: «Студент такой-то? Знаю. Черепу у нас никто не брал». А я говорю: «Я не в общежитии брал, я в анатомичке». А она: «А нам какая разница?»

Илья засмеялся.

— Дальше было веселее, — Стёпа поставил кружку и по-

удобнее устроился на кровати. — Звонить начали проректору. Тот трубку не взял. Потом декану. Тоже не взял. Короче, уже одиннадцать ночи, а я всё в отделении. Череп на столе лежит, на меня смотрит пустыми глазницами.

— Ты его хотя бы прикрыл?

— Чем? — Стёпа пожал плечами. — Пакет же изъяли. Короче, в двенадцать ночи объявился какой-то завхоз, подтвердил, что череп учебный. Написал расписку. Капитан говорит: «Свободен».

— Свободен?

— Ага. Череп отдали, пакет вернули. И сказали: «В следующий раз носите справку». — Стёпа вздохнул. — Я говорю: «Какую справку? На череп?» А он: «А я откуда знаю, вы же врач».

— Медик, — поправил Илья.

— Какая разница.

— Шесть часов?

— Почти. В общагу приехал без пятнадцати два. А комендантша, зараза, закрыла дверь на ключ.

— И что ты?

— А что я? На второй этаж полез. Там окно в туалете всегда открыто. — Стёпа усмехнулся. — Влез, а навстречу вахтёрша выходит с ведром. Говорит: «Молодой человек, вы с ума сошли?»

— А ты?

— А я черепом ей показал. Она взвизгнула и убежала.

Илья заржал.

— Представляю!

— С тех пор, — Стёпа почесал нос, — она на меня с подозрением смотрит. Думает, я сектант.

— А ты нет?

— Нет, — серьёзно ответил сосед. — Я просто студент-медик. У нас все такие.

Илья покачал головой, но улыбка на его лице уже была настоящей. Тревога, которая сжимала грудь с самого утра, отступила под натиском обычного студенческого абсурда.

— А череп-то у тебя где сейчас? — спросил он.

— В шкафу лежит, в коробке из-под обуви, — ответил Стёпа. — Завтра отнесу обратно. Может, даже справку возьму.

— Какую справку?

— На череп, — сосед улыбнулся. — «Разрешается носить костные останки в образовательных целях». Заламинирую.

Илья покачал головой.

— Ты бы ещё печать поставил.

— Поставлю. — Стёпа потянулся, хрустнув позвоночником. — Ладно, хватит о грустном. Ты чего сегодня такой кислый? Не выспался?

— Да так, — Илья отмахнулся. — Сонный паралич прихватил.

— Чего? — Стёпа скосил брови. — Это что за херня такая?

— Ну, состояние такое. Просыпаешься, а тело не двигается. Лежишь как камень, глаза открыты, а пальцем шевельнуть не можешь. И кажется, что кто-то рядом стоит. Или на грудь давит.

— Бред какой-то, — сосед поморщился. — Ты это сам придумал или правда бывает?

— Правда, — Илья пожал плечами. — Учёные говорят, рассогласование между мозгом и телом. А раньше народ думал, что это домовой на грудь садится.

— Домовой? — Стёпа фыркнул. — Серьёзно?

— Ну да. Лежишь, не дышишь, а на тебе сидит кто-то мохнатый и давит. В старину верили.

— В наше время, — сосед хмыкнул, — если на тебя кто-то давит, это не домовой, а сосед сверху кровать сдвинул.

Илья усмехнулся.

— Тоже вариант.

— А ты чего, веришь в эту хрень? В домовых там, в параличи?

— Не верю, — Илья отпил кофе. — Просто страшно было. Секунд тридцать, а показалось — вечность.

Стёпа покивал.

— Ну, бывает. Главное, что живой.

— Ага.

Они помолчали. Илья поставил кружку, подошёл к окну. За стеклом просыпался город — серый, шумный, привычный. Где-то вдалеке завывала сирена, кто-то на первом этаже

включил перфоратор. Обычное утро. Никакой магии. Никаких домовых.

И всё же осадок остался. Где-то в груди, под рёбрами, затаился холод — тот самый, что он почувствовал в углу комнаты.

5.

Илья снова сел за стол и открыл ноутбук. Пролистал почту. Спам. Рассылка с AliExpress. Уведомление о задолженности за интернет. Ничего важного.

Он уже хотел закрыть ноутбук, как вдруг вспомнил: вчера вечером, когда он возвращался из душа, в дверь постучала комендантша — тётя Валя, грузная женщина с вечным недовольством на лице.

— Тебе письмо, — сказала она, сунув в руки жёлтый конверт. — Из глуши какой-то.

— Мне?

— Ну твоя фамилия тут написана, — она ткнула пальцем в обратный адрес. — СНТ «Берёзка-2». Это где вообще?

— Понятия не имею.

— Ну смотри, мало ли. Может, бабка какая померла.

Она ушла, а он сунул конверт в карман куртки и забыл. Потому что сразу после душа позвонил староста и сказал: «Слушай, завтра коллоквиум по терапии, ты готов?» Илья не был готов, и следующие два часа он тупо зубрил «воспаление», «тромбоз» и «эмболию», листая лекции на телефоне.

Так письмо и пролежало в кармане до утра.

Теперь Илья полез в карман куртки, висевшей на спинке стула. Конверт был там. Он достал его, повертел в руках. Бумага была плотной, дорогой, с водяными знаками. Обратный адрес был написан твёрдым, почти чертёжным почерком.

— СНТ «Берёзка-2», — прочитал он вслух.

— Что? — переспросил Стёпа.

— Да так. Бабка какая-то.

Илья разорвал конверт. Внутри лежали ключ на брелке в виде пластмассовой земляники, заламинированная выписка из ЕГРН и короткая записка, сложенная вчетверо.

Он развернул записку.

Почерк был твёрдым, без наклона, каждая буква выведена так, будто писавший боялся, что её неправильно поймут. Илья прочитал первый раз — быстро, по диагонали, выхватывая ключевые слова. Прочитал второй раз — медленно, вникая.

«Илья. Ты меня не помнишь, и это правильно. Я — твоя троюродная бабка Лидия Ивановна Прокофьева. Дом в СНТ, участок 47, я завещала тебе. Не потому, что ты мне родственник. Потому что тебе это нужно. Не продавай сразу. Поживи там неделю. Потом решишь.

Ключи только от калитки — входная дверь не запирается. Огород не трогай. На реку ходи, но до острова не плавай.

Я знаю, ты думаешь, что старуха спятила. Может быть. Но ты приедь.

Л.»

Внизу, карандашом, торопливо: «И да: огород правда не трогай. Там лилии посажены. Не простые».

— Ну и ну, — Стёпа заглянул через плечо. — Не простые лилии. Это диагноз?

— Похоже на то, — Илья спрятал письмо. — Но я поеду.

— Зачем?

— А чего дома сидеть? Выходные всё равно дурацкие.

— Один — в лес, в глухомань, в дом умершей бабки, которая с собой разговаривала, — сосед покрутил пальцем у виска. — Ты точно нормальный?

— Не уверен, — честно ответил Илья.

6.

Он позвонил матери. Та взяла трубку после третьего гудка. На заднем плане шумел цех — гул ленты, лязг автоматов, чья-то ругань. Она работала на кондитерской фабрике, упаковщицей, и в это время обычно была занята.

— Илюш, ты чего так рано? — спросила она. — Опять сессию завалил?

— Мам, у меня письмо пришло. От какой-то бабки Лиды. Она умерла и оставила мне дом в СНТ.

Мать замолчала. Так надолго, что Илья уже подумал — связь оборвалась. Потом голос её стал другим — более тихим, осторожным.

— Лидия Ивановна, — сказала она. — Бабка Лида.

— Ты про неё никогда не рассказывала.

— Потому что не о чем было рассказывать. Она была...

странная.

— В каком смысле?

Мать вздохнула. Илья услышал, как она отошла в сторону, где шума было поменьше. Она курила — он знал этот звук: щелчок зажигалки, глубокий вдох. Она бросила курить, когда ему было десять, но иногда, когда нервничала, срывалась.

— Она жила одна в этом своём СНТ, — сказала мать. — Ни мужа, ни детей. Родственников сторонилась. На праздники не приезжала, телефона не было. Говорили, она... с собой разговаривала.

— С собой?

— Ну да. Сама с собой. На улице, в магазине. Могла идти и что-то шептать. Не то чтобы бред, нет. Так, разговор. Как будто кто-то рядом шёл.

— И что, люди считали её сумасшедшей?

— Не то чтобы сумасшедшей, — мать затянулась, выпустила дым. — Она лечила людей. Травами, заговорами. Только не так, как бабки обычные, а... по-своему. Ей привозили больных из города. Детей особенно.

— Помогало?

— Сказать, что помогало — врать не буду, не знаю. Но привозили. — Пауза. — А один раз она вылечила твоего отца.

Илья замер.

— От чего?

— Спина болела, годы грызли. Он к врачам ходил — бес-

полезно. А к бабушке Лиде съездил — и через неделю забыл, что такое поясница. — Мать хмыкнула безрадостно. — Он потом к ней ещё ездил. За год до смерти. Один раз, на денёк. И ничего не рассказывал.

Илья вспомнил тот год. Отец стал замкнутым, задумчивым. Мог сидеть на кухне с кружкой чая и смотреть в одну точку полчаса. Мать тогда думала — давление. Или стресс на работе.

— А ты сама её видела? — спросил Илья.

— Видела. Когда ты родился, она приезжала смотреть на тебя. Привезла какой-то чёрный камешек с дыркой. Сказала: «Пусть носит, от лиха оберегает». — Мать помолчала. — Я его выбросила.

— Зачем?

— Потому что она была не в себе. И я не хотела, чтобы её бред касался тебя.

Илья посмотрел на пластмассовую землянику, лежащую на столе.

— Она написала в письме: «Поживи неделю». Что ты думаешь?

Мать долго молчала. Илья слышал, как она дышит в трубку — неровно, часто.

— Думаю, ты всё равно поедешь, — сказала она наконец. — Ты в отца — упрямый как осёл.

— Мам...

— Только там... будь осторожнее. Места там глухие. И на

реку не плавай, раз она просила. Может, в этом что-то есть.

— Ты же не веришь в это всё.

— Я не верю, — согласилась мать. — Но рисковать не хочу.

Она отключилась. Илья остался сидеть с трубкой в руке.

Илья положил телефон на стол и долго смотрел на жёлтый конверт. В голове крутились обрывки разговора: «с собой разговаривала», «заговоры», «за год до смерти». Он попытался представить отца — сильного, молчаливого, никогда не жалующегося на здоровье, — идущего к этой странной старухе за советом. Не получилось. Отец был человеком из другого мира, мира бетона и арматуры, где не было места травмам и шёпоту.

Зачем он ездил к ней? Что она ему сказала?

Илья отогнал эти мысли. Они были бесполезны. Отца уже нет, и ответы ушли с ним.

Он решил, что поедет. Не из-за тайны, не из-за наследства — а просто потому, что в выходные делать было нечего. Парни разбежались, мать на работе, в общаге скучно. А тут — старый дом, глухой лес, река. Хотя бы проветрится.

Перед отъездом он зашёл к Стёпе. Сосед сидел на кровати, наушники висели на шее, в руках был учебник по патологической анатомии.

— Ты в СНТ своё — когда?

— Завтра утром.

— А до этого что?

— Сегодня на пары схожу. Вечером соберусь.

Стёпа кивнул, отложил учебник. Помолчал.

— Слушай, я из тех мест. Рядом деревня Ключи. А Берёзки... туда местные не ходят.

— Почему?

— Старики говорят, место там нечистое. Люди пропадали. В девяностых мужики на остров плавали — не вернулись. А один вернулся, да не совсем.

— Что значит — не совсем?

— Немой стал. И не просто немой — слов вообще не издавал. Даже кричать не мог. Как рыба. — Стёпа почесал затылок. — Я не суеверный, но... не ходи туда. На остров.

— В электричке один парень тоже рассказывал.

— Значит, не я один. — Стёпа помолчал. — Ладно, дурак я, но фонарик возьми.

Он протянул налобный фонарик — дешёвый, китайский, с потёртым пластиком.

— Спасибо, — Илья взял его.

— Только верни, — улыбнулся сосед. — Он мне для операций нужен. Ну, если я когда-нибудь стану хирургом.

— Договорились.

8.

Он выехал в субботу утром.

Собрал рюкзак за десять минут: сменное бельё, тёплая кофта на случай холодных ночей, нож, спички, пауэрбанк. В последний момент сунул во внутренний карман отцовскую

фляжку. Пустую, как память.

Вокзал встретил его запахом дешёвого кофе из автомата, цыганами с детьми, объявлениями «Срочный выкуп квартир! Дорого!». Илья купил билет до платформы «176-й километр», взял в ларьке воды и печенья и сел в электричку.

Вагон был почти пуст. Напротив — старуха с тяжёлыми сумками, рядом — парень в наушниках, читал «Метро 2033». За окном тянулись сначала многоэтажки, потом гаражи, потом бесконечное поле, жёлтое от одуванчиков.

Парень снял наушники, когда электричка замедлила ход.

— Вам куда? — спросил он.

— В СНТ «Берёзка-2».

Лицо попутчика изменилось.

— Это там, у реки?

— Да.

— Не ходите туда.

— Почему?

Парень покосился на старуху — та делала вид, что не слушает, но уши были напряжены.

— Там мужики пропали, — сказал он тихо. — В девяностом. Трое на остров поплыли — не вернулись. Лодку нашли пустую. Вёсла крестом сложены.

— А волосы на дне? — перебил Илья.

Парень удивился.

— Слышали уже? Тогда зачем спрашиваете?

— Хочу понять, где правда, где страшилки.

— Правда там, где людей нет. — Попутчик надел наушники. — Вы не ходите туда. Особенно на реку.

Он вышел на следующей остановке. Илья остался один.

Что они все так боятся этой реки? Или просто любят страшные истории?

9.

Платформа «176-й километр» оказалась бетонной плитой с одним столбом освещения. Вокруг — лес и тишина. Не городская, с примесью дальнего шума, а настоящая, ватная, закладывающая уши.

Телефон показывал ноль сигнала.

— Отлично, — сказал Илья вслух. — Дикий лес, никакой связи. Что может пойти не так?

Он пошёл по грунтовке.

Через полкилометра дорога раздвоилась. Налево — поле, направо — полосатый шлагбаум и будка.

В будке сидел дед. Старый, морщинистый, в камуфляжной кепке. Курил «Приму» без фильтра, пускал дым в потолок. Глаза — выцветшие, но внимательные.

— Автобус до Берёзок когда? — спросил Илья.

— А никогда, — ответил дед, окая и растягивая гласные. — Водитель-то у нас в запой ушёл. Втору неделю гуляет. Ты пешком иди. Вёрст пять, не больше.

— Это сколько в километрах?

— А кто ж его знает. — Дед хмыкнул. — Вёрст пять и есть. Мера старая, правильная. Не то что ваши километры.

Он затынулся, выпустил дым колечком.

— Бабка Лидина хата, поди?

— Да, — Илья удивился. — А вы её знали?

— Знамо дело, — дед усмехнулся. — Кто ж её не знал?

Она у нас одна такая на весь район была. С духами, значит, общалась. С травами там, с заговорами.

— То есть правда? Ведьма?

— Ведьма — слово грубое, — дед покрутил кепку набе-
крень. — Она больше... ведунья. Понимала, значит, мир. И
не наш только, а и тот, который за гранью.

— Вы её видели? Разговаривали?

— А то ж. — Дед улыбнулся, показав щербатые зубы. —

Она мне, почитай, жизнь спасла.

— Как?

— А вот так. — Дед потушил окурок, примял о подош-
ву. — Жена моя, царствие ей небесное, померла в девяносто
седьмом. И как померла — спрятала, значит, деньги на гроб.
Триста рублей старыми. А куда — не сказала. Я с дочкой
обыскались — нету. Хотели в долг брать.

— И что бабка Лида?

— А пришла она к нам на третий день после похорон,
не званная, не прошенная. Постояла в сенях, посмотрела по
сторонам. Потом говорит: «Под лестницей посмотрите, в ле-
вом углу, половица отходит».

Илья слушал, не перебивая.

— Ну, мы с дочкой глянули, — дед развёл руками. — И

точно: половица отходит. А под ней — кубышка. И те самые триста рублей. — Он покачал головой. — Вот и спрашивай после этого, знала она что-то или нет.

— А откуда она узнала?

— А кто ж её знает, — дед пожал плечами. — Может, жена моя ей во сне сказала. Может, сама увидела. Говорю же — с духами зналась.

— Вы не боялись её?

— Чего бояться-то? — Дед удивился. — Она людям помогала. Детей лечила, старикам хворобы заговаривала. Зла от неё не было. Только когда она серчала — тогда да.

— А вы видели, как она серчает?

— Видел, — дед посерьёзнул. — Соседу одному, который забор её сломал, так она сказала: «У тебя вся скотина передохнет». И что ты думаешь? На ту зиму все три коровы и сдохли. А ветеринар сказал — зараза.

Илья присвистнул.

— Ну, это совпадение, наверное.

— А может, и нет, — дед усмехнулся. — Ты давай, паря, иди. Засветло надо успеть. В доме там приберись, на чердак залезь. Может, и тебе что-то откроется.

— А вы знаете, где ключи?

— Бабка Лида дверь не запирала, — дед махнул рукой. — Заходи, кто хошь. Только веди себя с уважением. Место там особенное.

Илья кивнул, развернулся, но дед окликнул его:

— Слышь, паря! Ты ей свечку поставь. В церкви. Не за упокой — за здравие. Хотя она померла, но оно как-то правильнее будет.

— Почему?

— А потому, — дед почесал щетинистую щеку, — что она при жизни столько добра сделала, что на том свете её душу не на что судить. А так — подстрахуешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.